

DOI: 10.31857/S032103910004514-8

МЕГАСФЕН И ЕГО ВРЕМЯ

J. WIESEHÖFER, H. BRINKHAUS, R. BICHLER (Hrsgg.). Megasthenes und seine Zeit. Megasthenes and His Time. (Classica et Orientalia, 13). Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2016. VI, 230 S.

Имя Мегасфена хорошо знакомо каждому, кто обращается к истории индийской древности. Греческий посол ко двору Чандрагупты — автор основного сочинения об Индии в античной литературе. «Индика» сохранилась лишь в пересказах позднейших писателей: Диодора Сицилийского, Страбона, Арриана. В историографии неоднократно делались попытки восстановить текст Мегасфена, перевести сохранившиеся фрагменты, истолковать и оценить степень их достоверности как источника по важнейшему периоду истории Древней Индии — маурийской эпохе. Работ о Мегасфене и его времени великое множество. В 2012 г. в Институте антиковедения университета Киля (Германия) состоялась международная конференция на тему «Образы Востока», посвященная в значительной мере Мегасфену. По итогам ее и появился сборник статей «Megasthenes und seine Zeit», который дает повод обсудить ряд вопросов, связанных с биографией Мегасфена, его трудом и его эпохой.

Сведений о Мегасфене сохранилось немного. Он жил при дворе Сибиртия (Агг. *Anab.* V. 6. 2), сатрапа Арахосии и Гедросии (примерно территория современного Афганистана). К Чандрагупте его отправил Селевк Никатор, который в результате войн диадохов стал главным наследником Александра Македонского в Азии. О времени посольства и его целях античная традиция сведений не сохранила, а потому и в современной науке нет единого мнения. Один из фрагментов Арриана (*Ind.* 5. 3) вызывает разноречивые толкования: συγγενέσθαι γὰρ Σανδρόκοττον λέγει τῷ μεγίστῳ βασιλεῖ Ἰνδῶν καὶ Πόρῳ ἔτι τοῦτου μέζονι¹. — «Он говорит, что встречался с Сандрокоттом, самым значительным царем индийцев, и с Пором, еще того большим». Фраза выглядит несколько странно: если Сандрокотт (т.е. Чандрагупта) — самый крупный из индийских царей, почему тут же говорится, что другой царь еще крупнее? Поэтому Э.А. Шванбек, один из первых исследователей Мегасфена, еще в 1845 г. предложил исправить концовку предложения: καὶ Πόρου ἔτι τοῦτῳ μέζονι («и еще большим, чем Пор»)². Исправление это было принято в ряде позднейших изданий. В таком виде концовка фразы перестает быть абсурдной, но оказывается бессодержательной (ведь если Сандрокотт — самый значительный из царей, то он значительнее не только Пору, но и всех остальных правителей Индии). Поэтому О. Штейн³ считал это исправление «натянутым» (gezwungen) и предлагал, вслед за Х. Лассеном⁴, просто вычеркнуть концовку фразы как бессмыслицу, принадлежащую какому-то средневековому переписчику. Однако подобный текстологический произвол не может быть оправдан. Если исследователь вольно обращается с текстом, он лишает себя возможности использовать его в качестве источника. Предлагаемый в современных изданиях вариант фразы кажется более гладким, чем тот, что содержится в рукописях, но это текст, принадлежащий не Арриану, а Шванбеку.

¹ В рукописях Арриана встречаются обе формы слова: μέζονι и μεῖζονι (Schwarz 1973, 155).

² *Megasthenis Indica. Fragmenta collegit, commentationem et indices addit E.A. Schwanbeck.* Bonnae, 1846. P. 22.

³ Stein 1932, 234.

⁴ Lassen, Chr. *Commentatio geographica atque historica de Pentapotamia Indica.* Bonnae, 1827. P. 44.

Сейчас все чаще исследователи возвращаются к оригинальному чтению. Так и в обсуждаемой книге В. Буччантини (с. 47) в статье «Megastene e la 'Reiseliteratur': resoconti di viaggio tra descrizione, memoria e rappresentazione» приводит следующий аргумент, позволяющий считать Пору более великим царем, чем Чандрагупта: ведь его доблесть была испытана в битве с самим Александром Македонским. Подобная интерпретация, встречающаяся и в отечественной историографии⁵, не кажется убедительной. Когда античные авторы говорят о «великом царе», они имеют в виду не его доблесть, а обширность его державы и количество войск. Дарий III в борьбе с Александром вовсе не проявил доблести, но как правитель огромного государства он был для греков βασιλεὺς μέγας. Арриан, как и Мегасфен, прекрасно знал, что государство Чандрагупты территориально многократно превосходило царство Пора, занимавшее лишь часть Панджаба между притоками Инда Джеламом и Ченабом. Диодор (XVII. 87. 2) говорит, что у Пора было 50 тысяч пехотинцев, 3 тысячи всадников и 130 слонов. Между тем у царя Магадхи (Diod. XVII. 93. 2) 200 тысяч пехотинцев, 20 тысяч всадников и 4 тысячи слонов. У самого же Чандрагупты, по словам Мегасфена (Strab. XV. 1. 53), было не менее 400 тысяч⁶ пехотинцев, а согласно Плутарху (Alex. 62. 2) — 600 тысяч.

Мне кажется, что текст Арриана заслуживает лишь самой незначительной правки: μεῖζον вместо μέζον (или μεῖζονι), т.е.: «а с Пором еще того больше». Перестановка одной буквы, ее выпадение или, напротив, лишнее написание нередко встречаются в рукописях. Между тем предложенное Шванбеком изменение падежей двух слов не может найти текстологического обоснования. Как бы то ни было, главным является то, что, согласно Арриану, Мегасфен встречался с Пором — и это выглядит вполне естественным. Ведь он жил при дворе Сибиртия, который должен был поддерживать контакты с Пором, правившим в соседней области Индии. Вероятно, Мегасфена потому и выбрали для посольства к Чандрагупте, что в Индии он уже бывал — у Пора. Но если это так, мы можем сделать выводы о хронологии событий. Известно, что Пор был убит в 318/317 г. до н.э. (Diod. XIX. 4. 8). Следовательно, визит к нему Мегасфена мог состояться лишь до этой даты. Последняя информация о Сибиртии, которая содержится в источниках, относится к 316 г. до н.э., однако вполне возможно, что он правил в Арахосии и позднее этой даты. Если Мегасфен бывал у Пора около 320 г. до н.э., он вполне мог быть участником похода Александра Македонского в 327—325 гг. до н.э. При описании Индии он должен был опираться не только на сведения, которые получил в столице Чандрагупты, но и на впечатления, вынесенные из посещения совершенно иного района Индии — Панджаба.

Авторы статей, вошедших в обсуждаемый сборник, предлагают различные даты правления царей из династии Маурьев, но большая часть этих предположений уязвима для критики. В пуранах говорится о том, что основатель династии Маурьев правил 24, а его сын Биндусара 25 лет. Но у О. фон Хинюбера (с. 191) оказывается, что Биндусара был на престоле 31 год (с 300 по 269 г. до н.э.). Для царствования Чандрагупты Х. Бринкхаус (с. 27) предлагает даты 320—293 гг. до н.э., т.е. 27 лет. В. Буччантини (с. 45) считает возможным, что Биндусара вступил на престол в 303 г. до н.э. — в таком случае коронация его отца должна была бы относиться к 327 г. до н.э. Однако в 327 г. до н.э., во время похода Александра Македонского, в Паталипутре правил царь Нанда. Юстин (XV. 4. 12—13) сообщает, что Сандрокотт поднял восстание в северо-западной Индии против наместников (praefectos), оставленных Александром. Власть в западном Панджабе тогда принадлежала Таксилу и военачальнику Эвдаму, а в восточном Панджабе царю Пору. Условия для возвышения Чандрагупты появились лишь в 318/317 г. до н.э., когда Эвдам, приказав умертвить Пору, увел греко-македонские войска на запад — на помощь Эвмену в разгоравшейся войне диадохов (Diod. XIX. 4. 8). А после этого Чандрагупте еще понадобилось какое-то время для того, чтобы организовать поход в долину Ганга с целью свергнуть последнего из Нандов и стать царем в Паталипутре.

Данную хронологию подтверждает Юстин, который говорит, что Сандрокотт овладел Индией тогда же, когда Селевк закладывал основы своего будущего величия⁷. Имеются в виду события 312 г. до н.э., ставшие отправной точкой для установления так называемой селевкидской эры. Это значит, что и окончание правления Чандрагупты относится не «примерно к 300 г. до н.э.», как указывает Д. Роллер в статье «Megasthenes: his life and work» (с. 120), а на десятилетие позднее. Такая датировка соответствует тому, что известно о времени

⁵ Bukharin 2002, 57.

⁶ Х.Л. Джонс ошибочно переводит «40 тысяч» (Jones, 1966, 87).

⁷ Iust. XV. 4. 20: Sandracottus ea tempestate qua Seleucus futurae magnitudinis fundamenta iaciebat Indiam possidebat.

правления его сына Биндусары и внука — Ашоки. По распространенному мнению⁸, коронация последнего состоялась в 268 г. до н.э. Я бы скорее склонялся к дате около 264 г., поскольку миссии к эллинистическим царям⁹ и публикация Больших наскальных эдиктов на 12-м году его правления могут быть приурочены ко времени после окончания Второй Сирийской войны в 253 г. до н.э.¹⁰

Мегасфен не мог посетить Пора по пути в Паталипутру — ко времени его посольства к Чандрагупте весь Панджаб уже принадлежал Маурьям. Мы можем представить маршрут его путешествия. Плиний Старший (VI. 63) говорит о том, что расстояния в Индии были измерены для Селевка Никатора, а это мог сделать только Мегасфен. От реки Гифасис (Биас), крайнего пункта, куда дошли войска Александра Македонского, Мегасфен отправился по «царской дороге» (видимо, через Амбал, где и позднее пролегал основной торговый путь) к берегам Ямуны. Далее он скорее всего плыл до слияния ее с Гангом (625 римских миль) — и по Гангу до Паталипутры (425 миль). Расстояние до устья Ганга Мегасфен сам измерить не мог — он там не бывал. Но, узнав в Паталипутре о времени плавания от устья Ганга (Strab. XV. 1. 12), он мог определить длину и этого участка пути (637 миль). Так было получено представление о протяженности Индии с запада на восток, — и эти цифры легли в основу тех вычислений размеров ойкумены, которые содержатся в трудах позднейших античных географов.

Ошибочным является утверждение о том, что Мегасфен долгие годы провел в Индии, пока его не сменил другой посол — Даймах (с. 45, 120). Дело в том, что древний мир не знал института постоянных посольств. Послы приезжали для ведения переговоров и заключения соглашения или же для передачи послания. Их могли, конечно, задержать на какое-то время, но отнюдь не до приезда следующего посланника.

Вопреки Роллеру (с. 123), нет никаких оснований думать, будто греческий посол путешествовал по стране. Он старательно перечисляет индийские реки, но те из них, которые могут быть надежно идентифицированы, — это реки бассейна Инда и бассейна Ганга. Он видел их во время поездки в Паталипутру — пересекал реки Панджаба и отметил притоки Ганга, плывя по этой реке. Мы не видим в его списке рек Декана — явно он там не был. У Арриана (*Ind.* 5. 2) говорится, что, по словам Мегасфена, в Индии 58 рек. Однако в это число не включены Инд и Ганг, о которых он только что сказал отдельно. Таким образом, общее число рек — 60, что и подтверждается словами Плиния Старшего (VI. 60) с отсылкой к сочинению Сенеки, основанному на записках Мегасфена. Но число 60 не просто круглое, оно имеет особую значимость для индийской нумерологии (также как и 118: такое Мегасфен называет количество индийских народностей). Поэтому можно быть уверенным, что указание Мегасфена основано не на личных наблюдениях, а на информации, полученной от сопровождавших его индийцев.

Представление, будто Мегасфен путешествовал по Индии, связано с тем, что в историографии ему приписывался тот список индийских племен и народов, который (без ссылки на него) содержится в «Естественной истории» Плиния. Из этого исходил даже такой основательный исследователь Мегасфена, как О. Штейн (хотя в реконструкции «Индики» Шванбек поместил «каталог народов» в разряд *fragmenta incerta*). Но тогда же Б. Тиммер¹¹ справедливо заметила, что данный список восходит к иному, анонимному источнику. И следует подчеркнуть, что в настоящее время, как показывает и данный сборник статей, говоря о Мегасфене, уже не ссылаются на эти сведения Плиния.

Трудно быть уверенным даже в том, что грек имел возможность свободно передвигаться по столичному городу, хотя он и оставил описание его оборонительных сооружений. В санскритских источниках нередко говорится о том, что дипломаты играют роль разведчиков, занимаясь сбором стратегической информации (в частности, о размерах укрепленных городов — *Артхашастра* I. 16. 9). А потому, естественно, надо было всячески воспрепятствовать иноземным послам осматривать крепости.

Мегасфен (Arr. *Ind.* 10. 6–7; Strab. XV. 1. 36) сообщает, что Паталипутра простирается в длину на 80 стадиев, а в ширину на 15. Таким образом, размеры индийского города IV в. до н.э. (основанного, согласно традиции, при Аджаташатру в V в. до н.э.) оцениваются примерно

⁸ Подробно обоснованному в Eggermont 1956.

⁹ Не так давно опубликованная надпись (Rigsby, Hallof, 2001, см. Balakhvantsev 2010, 17) свидетельствует о том, что Александр II Эпирский умер не ранее 242 г. до н.э. Таким образом, уже нет оснований считать, будто посольство к нему Ашоки должно датироваться временем до 255 г. до н.э.

¹⁰ См. Vigasin 2007, 95–103.

¹¹ Timmer 1930, 16.

в 25–30 км², т.е. вдвое больше, чем Рим эпохи империи. Это не кажется правдоподобным¹². Археологические раскопки позволяют говорить о том, что даже самые известные индийские города имели в десятки раз меньшую площадь. По словам Арриана (loc. cit.), Паталипутра была обнесена крепостной стеной с 64 воротами и 570 башнями. Если мы попробуем оценить расстояния между башнями (и воротами), то получим цифры, не вызывающие сомнений. Дело в том, что расстояния эти определяются дальностью полета стрел (около 54 м, согласно Артахаштре II. 7. 10)¹³. Вполне возможно, что греческий посол не занимался сам подсчетами оборонительных сооружений Паталипутры. Он мог положиться на информацию сопровождавших посла индийцев и вычислить периметр города посредством умножения количества башен на расстояние между ними. Однако достоверность информации, полученной в результате расспросов, проверить затруднительно, а потому размеры города могли быть Мегасфеном сильно преувеличены. В индийских источниках нередко приводятся сказочные размеры городов. К примеру, в «Рамаяне» (I. 5. 7) говорится, что Айодхья имела в длину 12 йоджан, а в ширину 3 (йоджана, по разным источникам, составляла от 7 до 12 км).

Выражение Арриана (*Anab.* V. 6. 2), будто Мегасфен «часто (πολλάκις) бывал у Чандрагупты», может трактоваться по-разному: то ли как указание на то, что он не раз приезжал с дипломатическими поручениями, то ли неоднократно бывал на приеме во дворце во время пребывания в столице. Первое кажется более предпочтительным, так как упоминание о посещениях дворца не несет важной информации: естественно, прибывший от Селевка посол должен был время от времени видаться с Чандрагуптой. Не приходится сомневаться в том, что грек был принят в царской резиденции в Паталипутре. Но, видимо, состоялся и другой визит в Индию. Мегасфен сообщает (*Strab.* XV. 1. 53) о том, что был и в лагере Сандрокотта, где находилось все его 400-тысячное войско. Последнее особенно интересно. Нет никакого смысла вести посла в военный лагерь, если там не находится сам царь, а это значит, что Мегасфен виделся с Чандрагуптой во время большой войны. Это могло произойти в том случае, если посол был направлен в Индию с целью заключения мирного договора между Чандрагуптой и Селевком Никатором.

Согласно этому договору Селевк уступил Чандрагупте Арахосию (которая надолго осталась за Маурьями, о чем свидетельствуют надписи Ашоки, найденные в районе Кандагара). Кроме того, было заключено соглашение об ἐλευσίαις. Одно из значений этого греческого слова близко римскому *ius connubii* (признание законным браком союза мужчины и женщины, которые являются гражданами разных государств). В этом смысле его нередко и толкуют — в том числе в русском переводе Страбона (*XV. 2. 9*), выполненном Г.А. Стратановским. Когда речь идет о греческих полисах, против этого не может быть возражений. Однако древнеиндийское право (и в особенности семейное!) определялось не международными договорами и не законами, сформулированными государственной властью, а обычаями и религиозными текстами. Заключение брака, с точки зрения индийцев, было возможно, если они признавали за греками более или менее высокий кастовый статус. Но Чандрагупта не мог решать вопросы кастового статуса. К тому же в параллельном тексте Аппиана (*Syr.* 55) речь идет о κῆδος, для которого значение *ius connubii* не засвидетельствовано. Поэтому наиболее вероятным вариантом является заключение матримониального союза между домами Селевка и Чандрагупты¹⁴. Нет никаких данных о том, с чьей стороны был жених, а с чьей невеста, но несомненно, что по случаю династического брака должен был состояться обмен посольствами.

В обмен на уступку территории Селевк получил от Чандрагупты 500 боевых слонов (*Strab.* XV. 2. 9; *Plut. Alex.* 62. 2), или 400 слонов, по сведениям Диодора (*XX. 113. 4*). Слонов этих содержали в Апамее (*Strab.* XII. 2. 10), и их Селевк использовал в битве при Ипсе, которая закончилась разгромом Антигона Одноглазого. Битва произошла в 301 г. до н.э. и, очевидно, договор между Селевком и Чандрагуптой был подписан незадолго до этой даты. Стало быть, визит Мегасфена в военный лагерь Чандрагупты мог состояться в конце последнего десятилетия IV в. до н.э.

Так как индийская традиция приписывает советнику Чандрагупты составление «Артахаштры», вполне естественно, что в историографии бесконечно дебатировался вопрос

¹² Вопреки Д. Шлинглофу, который, полагаясь на Мегасфена, говорит о Паталипутре как о самом крупном городе древнего мира (Schlingloff 1969, 103).

¹³ Ср. у Витрувия (I. 5. 4): «Что касается промежутков между башнями, то их нужно делать с таким расчетом, чтобы одна башня от другой была на расстоянии, не превышающем дальности полета стрелы» (пер. Г.П. Полякова).

¹⁴ См. Radt 2009, 220.

о совместимости сведений Мегасфена с содержанием этого политического трактата. До сих пор многие историки (преимущественно индийские) склонны видеть в «Артакшастре» отражение той же самой Индии, которую описывал Мегасфен. Между тем давно обращено внимание на целый ряд данных в «Артакшастре», которые не позволяют отнести текст к маурийской эпохе. Это, например, упоминание кораллов, привозимых из Александрии Египетской (II. 11. 42), — понятно, что это было бы невозможно во времена Чандрагупты. Экспорт этих кораллов в Индию однозначно указывает на первые века нашей эры. Точно так же упоминание (II. 11. 114) шелковых тканей из страны Чина (т.е. империи Цинь) немыслимо для IV в. до н.э. Неоднократно встречающееся в «Артакшастре» (I. 20. 2; V. 2. 42; VII. 17. 33 и др.) санскритское слово *sugūṅgā* (подземный ход) происходит от греческого *σῦγγυξ* и было заимствовано в эллинистическую эпоху. Мегасфен говорит о том, что стены Паталипутры деревянные (Strab. XV. 1. 36; *Arg. Ind.* 10.2–7), а в «Артакшастре» (II. 3. 8–9) содержится рекомендация ни в коем случае не строить деревянные крепости. При этом данные Мегасфена подтверждаются археологическими раскопками, и Б. Якобс, автор статьи «Megasthenes' Beschreibung von Palibothra und die Anfänge der Steinarchitektur unter der Maurya-Dynastie», показывает, что каменная архитектура распространяется в Индии скорее всего лишь после Чандрагупты.

Х. Бринкхаус в статье «Zum aktuellen Stand der Arthaśāstra-Forschung: Kann Kauṭilya noch als Kronzeuge für Megasthenes gelten?», помещенной в том же сборнике, ссылается (с. 31) на недавнюю диссертацию М.Р. Мак-Клиша, автор которой находит в «Артакшастре» следы редактирования. Эти относительно небольшие следы, впрочем, были отмечены значительно раньше в книге Х. Шарфе¹⁵, и они отнюдь не свидетельствуют о том, что некое «ядро» (Textkern) этого памятника можно отнести ко временам Чандрагупты. Л. Рену давно, еще в 1961 г., писал, что «существование подобного ядра недоказуемо и совершенно неправдоподобно»¹⁶. Все указания на позднее происхождение памятника отбросить как интерполяции невозможно. И дело не только в отдельных словах или фразах. Сам характер текста, безусловно, свидетельствует о развитой письменной традиции. Но посвятивший этой проблеме специальную статью «Aśoka und die Griechen» в рассматриваемом сборнике О. фон Хинюбер уверенно говорит о том, что во времена Чандрагупты не было и самой письменности (с. 193). Это полностью согласуется с известным утверждением Мегасфена (Strab. XV. 1. 53).

В ряде статей сборника (прежде всего в работе Р. Роллингера «Megasthenes, mental maps and Seleucid royal ideology: the western fringes of the world or how Ancient Near Eastern empires conceptualized world dominion») делается попытка рассмотреть труд Мегасфена как памятник греческой литературы эпохи раннего эллинизма. Сравнивают это сочинение с трудом Беросса о Вавилоне: оба автора старались обосновать официальную идеологию первых Селевкидов. Основываясь на клинописных текстах, Роллингер говорит о царской идеологии Передней Азии, согласно которой правитель являлся владыкой ойкумены. Именно в этой связи у Мегасфена появляется идеализированный образ Навуходоносора, который овладел землею до ее крайних пределов на Западе. Селевкиды же рассматривали себя как естественных наследников царя Вавилона.

Анализ фрагментов Мегасфена в контексте эллинистической мысли и практики кажется плодотворным. У этого наблюдательного грека речь идет о наиболее важных особенностях восточного общества: оно строго иерархично, с четким распределением прав и обязанностей, зависящих от сословно-кастового происхождения. Вся земля принадлежит царю, а собираемые с земледельцев налоги — не что иное, как рента. В записках спутников Александра уже появлялась тема рабства. Так, Онесикрит (Strab. XV. 1. 34) писал, что индийцам вместо рабов прислуживают юноши. Но это было в значительной степени этнографическое наблюдение, ибо под юношами имелись в виду брахманские ученики, сопровождавшие наставников-гуру. У Мегасфена же (Diod. IV. 39. 5) отсутствие рабства представляется как принципиальная особенность социального строя. Иным, чем в греческом обществе, оказывается и роль города. Сельское население не принимает участия в общественной жизни, и даже не посещает город (Diod. IV. 40. 5; Strab. XV. 1. 40). Этот обобщенный образ Востока впервые нарисован именно в труде Мегасфена. И он оказал огромное воздействие на позднейших писателей, вплоть до новейшей историографии. Современные историки и философы обычно не отдают себе отчета в том, что они, рассуждая о верховной собственности на землю и восточной деспотии, продолжают традицию, восходящую к Мегасфену.

Но стоит обратить внимание и на иной аспект этой темы: для рубежа IV–III вв. до н.э. все эти вопросы представляли не только академический интерес. Для македонских правителей

¹⁵ Scharfe 1993.

¹⁶ Renou 1997, 550 (статья впервые издана в 1961 г.).

огромной державы Селевкидов проблемы рабства, собственности на землю и характера верховной власти, положения основной массы земледельцев, статуса городов и особенностей социальной градации были злободневными. Очевидно, актуальностью содержания, а не только занимательностью рассказов об окраине обитаемого мира, объясняется популярность труда Мегасфена в эллинистическую, а затем и в римскую эпоху.

Литература / References

- Balakhvantsev, A.S. 2010: [Once more about the date of birth of Parthian and Graeco-Baktrian Kingdoms]. In: S.B. Bolelov (ed.), *Drevnie tsivilizatsii na Srednem Vostoke. Arkheologiya, istoriya, kul'tura (Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu G.V. Shishkinoy)* [Ancient Civilizations of the Middle East. Archaeology, history, culture (Proceedings of the International Conference dedicated to the 80th birthday of G.V. Shishkina)]. Moscow, 17–18.
- Балахванцев, А.С. Еще раз о дате возникновения Парфянского и Греко-Бактрийского государств. В кн.: С.Б. Болелов (ред.), *Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура (Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Г.В. Шишкиной)*. М., 17–18.
- Bukharin, M.D. 2002: [Megasthenes' *Indika* in ancient literature and in modern and contemporary historiography]. In: G.M. Bongard-Levin, M.D. Bukharin, A.A. Vigasin (eds.), *Indiya i antichnyy mir [India and Graeco-Roman World]*. Moscow, 48–137.
- Бухарин, М.Д. «Индика» Мегасфена в литературе древности и историографии Нового и Новейшего времени. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, М.Д. Бухарин, А.А. Вигасин (ред.), *Индия и античный мир*. М., 48–137.
- Eggermont, P. 1956: *The Chronology of the Reign of Asoka Moriya: a Comparison of the Data of the Asoka Inscriptions and the Data of the Tradition*. Leiden.
- Jones, H.L. (tr.) 1966: *Strabo. Geography*. Vol. VII. (Loeb Classical Library). Cambridge (MA)–London.
- Renou, L. 1997: Sur la forme de quelques texts sanscrits. In: N. Balbir, G.-J. Pinault (éds.), *Louis Renou: Choix d'études indiennes*. T. II. (Réimpressions de l'Ecole française d'Extrême-Orient, 9). Paris, 519–567.
- Rigsby, K.J., Hallof, K. 2001: Aus der Arbeit der «Inscriptiones Graecae» X. Decrees of Inviolability for Kos. *Chiron* 31, 342–345.
- Scharfe, H. 1993: *Investigations in Kaṭalya's Manual of Political Science*. Wiesbaden.
- Schlingloff, D. 1969: *Die altindische Stadt. Eine vergleichende Untersuchung*. Mainz.
- Schwarz, F. 1973: *Geschichte und Geographie Bhārata in Arrians Indike. Text, Übersetzung und Kommentar (Ind. I–IX)*. Graz.
- Stein, O. 1932: Megasthenes. In: *RE*. XV, 230–325.
- Radt, S. (Hrsg.) 2009: *Strabons Geographika*. Bd 8. *Buch XIV–XVII: Kommentar*. Göttingen.
- Timmer, B.C.J. 1930: *Megasthenes en de Indische Maatschappij*. Amsterdam.
- Vigasin, A.A. 2007: [The Great Embassy to the West and chronology of the Mauryan Dynasty] In: A.A. Vigasin, *Drevnyaya Indiya: ot istochnika k istorii [Ancient India: from the Historical Sources to the History]*. Moscow, 95–103.
- Вигасин, А.А. Великое посольство на Запад и хронология династии Маурьев. В кн.: А.А. Вигасин, *Древняя Индия: от источника к истории*. М., 95–103.

Alexei A. Vigasin,

А.А. Вигасин,

Institute of Asian and African Studies,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

д.и.н., Институт стран Азии и Африки
МГУ им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

E-mail: alexey.vigasin@gmail.com